

континуальности. Однако для Бахтина очень важна континуальная темпоральность в романе. Вообще главный вопрос для Бахтина — инаковость, осмысляемая в рамках коммуникации автора и героя или героев в полифоническом романе. Отсюда имплицитно вытекает определенная концепция времени: реплики в диалоге следуют одна за другой непрерывно, время диалога — это время абсолютной слышимости, даже если его участники живут в разные века (это диалог в «большом времени»). Таким образом, прерывистость интеллектуального пути Бахтина в 1920-е годы (странные чередования идеалистического и материалистического подходов) компенсируется его идеей непрерывности литературного времени. Перед третьим героем Зенкина — Роланом Бартом — в определенный момент жизни, когда он из малоизвестного критика без ученой степени вдруг превратился в лектора престижнейшего Коллеж де Франс и жизнь его разделилась на две части: до и после славы, — встала задача объяснить свою собственную эволюцию и, в частности, переход от науки к литературе. Барт признавался в том, что имеет «вкус к перемене кожи»; в книге «Ролан Барт о Ролане Барте» он писал о том, что всякая система, даже если она родилась как «противоглупость», утвердившись, неминуемо сама становится глупостью и нуждается в изменении. Но тем не менее Барт также испытывал необходимость найти некий общий знаменатель своего интеллектуального пути, смягчить резкие повороты. Отсюда в статье «Семиологическое приключение» яркий образ многослойного бифштекса, который заказывал себе король Людовик XVIII; нижний слой впитывал сок всех верхних, и король ел только его; так же и Барт надеялся, что каждый последующий этап его эволюции впитал лучшее из всех предыдущих. В финале доклада Зенкин опять вернулся к заявленному в его начале противопоставлению непрерывного времени идей и прерывного, дисконтинуального времени отдельной жизни. Континуальность времени культуры недостижима для отдельного автора, и тем не менее герои доклада каждый на свой лад пытались, применяя свои теории к собственной жизни, примирить медленную континуальность интеллектуального процесса с быстрой дисконтинуальностью индивидуальной жизни.

Тут очень соблазнительно добавить, что и устроители ежегодных Мелетинских чтений тоже борются с дисконтинуальностью и вот уже четырнадцатый раз протягивают от одной конференции к другой континуальную интеллектуальную нить.

Вера Мильчина

**Международная конференция
«Полетаевские чтения — XI. “Общество позднего
социализма: перспективы исторического осмысления”»**

(ИГИТИ НИУ ВШЭ, 19–20 октября 2022 года)¹

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_423

Изучение позднего социализма стало в последние годы важнейшим направлением в разработке истории советской эпохи. Это связано с запросом на более нюанси-

1 Текст подготовлен в рамках проекта «Позднее/Постсоветское: ценности, практики, акторы» (программа «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ).

рованное изучение «человека советского», которое учитывало бы многообразие факторов, определявших жизнь советского общества, представляло бы динамичную картину соотношения ценностных, институциональных и материальных контекстов различных социальных, культурных и политических феноменов. Реакцией на этот запрос стало возникновение множества проектов, посвященных анализу позднесоветского общества. Цель проекта «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы», реализованного совместно сотрудниками ИГИТИ НИУ ВШЭ и Антропологами Тюменского государственного университета в 2020—2022 годах, — развитие кооперации между различными группами исследователей, работающими в области изучения советского и постсоветского общества. Итогом проекта стала ежегодная конференция ИГИТИ «Полетаевские чтения», состоявшаяся 19—20 октября 2022 года², тема которой была обозначена как «Общество позднего социализма: перспективы исторического осмысления». «Чтения» сформировали площадку для представления проектов, связанных с исследованием позднесоветского общества, объединив исследователей, работающих в этом поле.

Одиннадцатые Полетаевские чтения, кроме привычного для чтений, по выражению *Ирины Савельевой* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва), «соотношения эмпирии и теоретической рефлексии», отличились вниманием к позднесоветскому — обществу, опыту, человеку. В рамках первой секции вопросы позднесоветской экономики рассматривались в перспективе налаживания международных контактов. Отталкиваясь от историографических дебатов о проницаемости «железного занавеса» с точки зрения трансфера знаний, участники секции «Экономическое сотрудничество СССР и стран социализма: институты и трансферы технологий» обсуждали вопросы институционального взаимодействия, значения модернизации и технологий для интеграции внутри соцблока.

Секция открылась докладом *Романа Ярмошевича* (РАНХиГС, Москва) «Внедрение рыночных механизмов в социалистических странах: дискуссии вокруг рыночных реформ в 60-е гг.». Анализ дискуссий производился на материалах экономического журнала Венгерской академии наук «Acta Oeconomica», названного докладчиком «оплотом рыночной либеральной мысли». Помещая исследование в контекст становления мировой социалистической системы и особенностей международной торговли внутри нее, докладчик предлагал интерпретировать статьи венгерских экономистов о возможностях рыночных реформ как послание управленческой элите, указание на возможность закрепить успешное положение Венгрии внутри соцлагеря. В дискуссии по докладу аудиторию интересовали возможности появления подобных текстов, институциональные статусы авторов статей, а также стратегии тематического наполнения журнала, публиковавшего материалы на четырех языках. На вопрос *Галины Орловой* (НИУ ВШЭ, Москва) о диапазонах «дискурсивного дозирования», иными словами границах «имплантации» рыночной мысли внутри декларируемого социалистического порядка, докладчик указал, с одной стороны, на соблюдение авторами идеологических рамок (статьи начинались со ссылок на К. Маркса), а с другой — на деформацию рыночного терминологического аппарата и редуцирование его значения до «инструментов» и «механизмов», не противоречащих общим принципам социалистической экономики.

2 Оргкомитет конференции: И. Савельева, Г. Орлова, А. Касаткина, Г. Янковская, Е. Кочеткова, А. Фокин, Р. Абрамов, А. Ильин, А. Колесник, Б. Степанов. Программу и аннотации секций см.: <https://igiti.hse.ru/news/782612216.html>. Видеозаписи секций опубликованы на канале ИГИТИ на Youtube: <https://www.youtube.com/@poletayevinstitute4584/videos> (дата обращения: 14.03.2023).

Доклад *Елены Кочетковой* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Ресурсопользование и промышленное строительство в СЭВ: случай лесной отрасли*» концентрировался на опыте сотрудничества стран СЭВ на примере одной из «великих совместных строек социализма» — лесопромышленного комплекса в Усть-Илимске. Определяя значение древесины для советской экономики как ресурса одновременно потребительского, современного, и идеологического («материальная база коммунизма»), докладчица предлагала рассматривать социалистическое сотрудничество как попытку его участников совместными усилиями преодолеть дефицит, что упиралось зачастую в проблемы качества поставок и выполнения договоренностей. Отвечая на вопрос *Бориса Степанова* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) о том, как мыслились источники кооперации, Елена Кочеткова уточнила, что идея сотрудничества исходила из представления о прогрессе, рассматриваемого в технократическом ключе. В ходе дискуссии также были поставлены вопросы о специализации производителей древесины внутри СЭВ, об отношении к трудосберегающим технологиям и о роли экологических дебатов.

Доклад *Алексея Попова* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Особый путь? Внедрение международных стандартов безопасности дорожного движения в странах соцлагеря в 1960—1980-е гг.*» продолжал линию трансфера международного опыта, рассматривая ее в контексте «взрывной автомобилизации» и решений по снижению ее рисков. Сравнивая условные американский и европейский подходы к безопасности дорожного движения, докладчик определял процесс разработки и внедрения подобных стандартов в соцблоке, с одной стороны, как связанный с политическими задачами и осуществляемый в условиях ограниченных ресурсов и производственных возможностей, а с другой — как зависимый от международных требований, как минимум в сфере производства «социалистических» автомобилей для экспорта. В ходе дискуссии аудиторию интересовали как вопросы о процессах стандартизации на уровне СЭВ, так и конкретные аспекты внедрения новых стандартов — принципы расчета экономии при снижении аварийности, реализации новых стандартов безопасности (в том числе использования автомобильных ремней).

Завершало секцию выступление *Алексея Собисевича* (ИИЕТ РАН / РГГУ, Москва) «*Советско-болгарское научное сотрудничество в области изучения и хозяйственного освоения горных территорий*», посвященное опыту совместных полевых географических симпозиумов «Кавказ — Стара-Планина», повторившей аналогичный советско-французский симпозиум «Альпы — Кавказ». Новизна первого была связана с расширением числа экономических географов среди участников и фокусом на хозяйственном освоении территорий, что в итоге позволило выработать рекомендации для органов управления. Вместе с тем довольно быстро стали очевидны различия в подходах сотрудничающих сторон.

В фокусе трех докладов следующей панели, «Антропологии позднесоветского», оказались различные сюжеты, проливающие свет на особенности советского политического проекта. В докладе «*Говорить по-позднесоветски: советские люди в письмах во власть*» *Александр Фокин* (ТюмГУ) поставил вопрос: как население выстраивало коммуникацию с властью? Ответ невозможно дать исходя из бинарных представлений о советских и позднесоветских людях либо как «лицемерных» и лояльных режиму, либо как диссидентах. На материале источников — обращений людей в различные инстанции, их обобщенных сводок, а также официальных документов, с которыми сравнивалось реальное положение вещей, — Фокин продемонстрировал, что большая часть обращений во власть была критикой этой власти, при этом с позиции индивидуальных представлений о социализме. Доклад вызвал оживленную дискуссию, одним из ключевых в которой был вопрос о том, зачем советские люди писали во власть. Согласно Фокину, и в раннесоветский, и

особенно в позднесоветский периоды существовала вера в то, что идеи, записанные на бумаге, обладают большим весом. Вместе с тем письма выступали средством решения личных проблем и выражения своего мнения в условиях дефицита иных форм публичной коммуникации.

Наталья Пушкарева (ИАЭ РАН, Москва) представила доклад «*“Ежедневно мыться до пояса”*: женские гигиенические практики в нестоличном советском городе 1950—1960-х гг.». Актуализация темы гигиены женского тела, ранее табуированной, была связана с системой властных отношений, сформировавшейся после 1917 года. Пушкарева исследовала, как трансформировалась тема гигиены на материале воспоминаний женщин о 1950—1960-х годах и рекомендаций, опубликованных в женских журналах «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» и книге «Домоводство». Советы женщинам были сформулированы исходя из стандартов столичной жизни, что не всегда соотносилось с существовавшими возможностями в провинциальных городах. Отвечая на вопрос Бориса Степанова о соотношении описанного сюжета с концепцией «процесса цивилизации» Норберта Элиаса, Пушкарева отметила, что изменение «порога стыдливости», отмеченное Элиасом, в контексте женских потребностей послевоенного периода имеет значение эмансипации и «оцивизовывания». Вместе с тем важно, что дефицит косметических средств и процедур может быть представлен как особенность, а не недостаток.

В третьем докладе «*Человек танцующий: мотивы, образы, практики позднесоветской самодеятельности*» *Игорь Нарский* (ПГНИУ, Пермь / ТюмГУ) представил интерпретацию феномена многочисленных хореографических постановок на производственные темы. С одной стороны, творческая самодеятельность играла большую роль в идеологической борьбе и была откликом на политические заказы. С другой стороны, сами участники стремились реализовать себя, будучи мотивированы как возможностями гастролировать и стремлением к сценическому успеху, так и желанием укрепить отношения с участниками своих коллективов. Моральное и эстетическое устаревание программ здесь совмещалось с эйфорией от «приватизации» самодеятельности, вытеснения профессионального искусства любительским. В ходе обсуждения Нарский упомянул о дискуссии по поводу скорого вытеснения профессионального театра народным, спровоцированной открытым письмом Мариэтты Шагинян. Эта дискуссия отвечала надеждам участников любительских коллективов, стремившихся узаконить свой статус.

Секция «История эмоций и позднесоветские университеты» открылась докладом *Александра Дмитриева* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва)³ «*Жить (не) одной наукой: мемуары академиков-обществоведов о шансах советской системы*». Характеризуя существующий корпус воспоминаний представителей советских социально-гуманитарных наук, докладчик отметил, что в нем преобладают мемуары сотрудников Академии наук СССР, а не университетских профессоров. Сам этот корпус можно поделить на разные «идеологические» направления, свойственные эпохе перестройки: от левого прогрессивного крыла, выступавшего за системные реформы, до правого консервативного крыла сторонников государственного социализма. Интересной репрезентацией умеренной центристской позиции могут быть названы мемуары советских обществоведов-социологов: они смешивают экспертные и академические элементы личных научных карьер и, вопреки ожиданиям, рефлексируют о советском проекте в модальности «упущенного шанса» и ретроспективного ressentimentа.

Тему выбора поведенческих стратегий в позднесоветской академической среде продолжила независимая исследовательница *Людмила Хут* (Майкоп) в докладе

3 На момент проведения конференции — независимый исследователь.

«Жить радостно, или Позднесоветская субъективность в Академии (по материалам биографического интервью Л.Л. Бельцер-Лисюткиной)». Обращаясь к оптике истории эмоций, докладчица рассмотрела жизненный и карьерный путь Ларисы Бельцер-Лисюткиной как яркий пример формирования субъективности в условиях позднесоветской академии. Узловыми точками этого пути стали различные академические институты, с которыми в разные годы была связана героиня доклада: исторический и философский факультеты МГУ, а также Институт международного рабочего движения (ИМРД). Именно последний, по замечанию Людмилы Хут, можно назвать полноценным эмоциональным сообществом, занимавшим одно из центральных мест в интеллектуальной жизни московских академиков-гуманитариев.

Третьим докладом стало выступление Ирины Савельевой «Жить страшно: мемуары Е.В. Гутновой глазами доверчивого читателя». Обратившись к мемуарам советских историков-медиевистов, она указала на их явные отличия от мемуаров историков зарубежных: с наступлением XX века вторые постепенно начали приобретать характер теоретических манифестов, в которых авторы защищали свои научные убеждения и конструировали эго-истории. В свою очередь, главным предметом реконструкции в автобиографиях советских ученых был не столько процесс развития науки (научных школ, институтов, академических дискуссий и достижений), сколько домен *научной политики* — борьбы за влияние между разными академическими «кланами», путей развития индивидуальных карьерных путей и т. д. Во многом поэтому подобные мемуары выступают хорошим источником по истории эмоций в советской академии: так, в книге Е.В. Гутновой «Прожито» важную роль играет *страх* — эмоция, характеризующаяся почти все среды обитания, в которых героиня оказывается по ходу своей жизни. Более того, страх нередко выступает для нее в качестве возможного объяснения собственных поступков, а также поведения друзей и коллег — состояние страха, за редкими исключениями, экстраполируется ею на все общество в целом. Суммируя свои наблюдения, Ирина Савельева характеризует воспоминания Гутновой как во многом «негативные» — показывающие, какими советские наука и академическое сообщество не были или какими не стали.

Секцию завершил доклад Андрея Ильина (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) «Когда советский студент может испугаться»: Ю.В. Трифонов о страхе как моральной эмоции». В ходе выступления был представлен анализ двух романов Юрия Трифонова — «Студенты» (1950) и «Дом на набережной» (1976) — с точки зрения истории эмоций и фукольдиданской истории техник себя. В «Студентах» писатель, следуя конвенциям соцреализма, стремится показать «парадный фасад» эмоционального сообщества советских студентов конца 1940-х — начала 1950-х годов: если его герои и испытывают страх, то в отношении тривиальных вещей (например, сессии или болезни родственника); в их характерах, как правило, гораздо ярче выражаются решимость и негодование, а страх — особенно политический — остается вытесненным. Однако в «Доме на набережной» ситуация меняется: в этом романе Трифонов открыто работает с нарративом о повсеместном страхе и боязни советских людей, раскрывая конфликтные техники становления и воспитания советского человека, основанные на страхе и «закалке». Теперь вместо построения канонического образа студенческой жизни писатель обращается к психологии человеческой памяти: герои «Дома на набережной» скрывают страх от самих себя — и чтобы вновь его увидеть, им нужна тяжелая работа по раскрытию собственного прошлого.

Участники секции «Лояльный неформат» в позднесоветской визуальной культуре: художественные практики, инфраструктура, дискурсивные трансформации» стремились нащупать новый подход к устройству культуры и искусства в поздне-

советское время. Привычная в академической среде точка зрения связана в первую очередь с дихотомией официального искусства и андеграунда, в рамках которой институционально оформленной культурной политике государства противостоят куда менее популярные независимые художественные инициативы. Между тем в докладах секции речь шла о феноменах позднесоветской визуальной культуры, которые, с одной стороны, вписывались в господствующую парадигму, однако, с другой стороны, включали в себя выраженные разными способами инородные элементы.

В первом докладе, «*Нам надоели березки, цветочки полевые, любимый котик и так далее*»: парадоксы позднесоветского фотолюбительства», Виктория Мусвик (независимая исследовательница, Москва), фокусировалась на существовавших с 1970-х годов региональных формах самоорганизации фотолюбителей, движение которых постепенно стало альтернативой сообществу профессиональных фотографов, сотрудничавших со СМИ. Опираясь на данные интервью с участниками движения, архивы клубов и материалы независимых групп фотолюбителей центральных регионов России, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Виктория Мусвик продемонстрировала разнообразие организации этой сферы. В то время как одни фотоклубы представляли собственные проекты на местных площадках, другие намеренно избегали всяких связей с институтами и существовали подпольно и совершенно независимо. При этом одни и те же люди могли работать в государственной сфере кино и одновременно участвовать в деятельности независимых фотоклубов. Этот диапазон типов отношения к официальной повестке имел и эстетическое измерение. Одни фотолюбители обращались к объектам, не входящим в официальную сферу эстетического, а находимым в сфере урбанизированного быта, технических предметов и даже отходов больших городов. Другие включали в свое поле зрения, привычные для социалистической визуальности, но отличные от государственных трактовок, маргинальные для официальных дискурсов сюжеты. На своем материале Мусвик делает вывод о размытой границе между диссидентским и официальным пространством взгляда, выражаемого средствами фотографии. Отвечая на вопрос Галины Орловой о значении среды конкретного города, в котором существовали фотоклубы, Мусвик пояснила, как влиял городской контекст на фотолюбительские объединения и практики, как отношения между средой и фотоклубами отличались в разных городах и областях.

К теме региональных художественных объединений обратилась в своем докладе «*Другая визуальная история советской периферии: "художник второго плана" и воображаемые пространства региональной идентичности*» Галина Янковская (ПГНИУ, Пермь / ТюмГУ). История российского искусства как история художественных областных объединений, постепенного обретания независимости от инициатив центра в сфере искусства, учет влияния местных особенностей на искусство — один из важных поворотов в искусствоведении последних десятилетий. Янковская сосредоточилась в своем докладе на позднесоветском усложнении региональной художественной сцены, разнообразии и разности веса участвующих в ней фигур. На материале пермских и екатеринбургских художественных объединений и связей друг с другом отдельных художников, в частности, Янковская анализирует регионализацию художественных процессов в позднем СССР и первых десятилетий истории РФ. Дискуссия по докладу концентрировалась вокруг понятия художественных режимов в отношении регионального искусства. Вопрос режима, то есть вопрос масштаба художественных явлений, пояснила Янковская, следует осмыслять, учитывая иерархии власти, связей влиятельных акторов в художественной среде, к которым, к примеру, едва ли относились юные художники-школьники, хотя конкурсы юных художников представлялись весомыми событиями для поля.

Тематика позднесоветского изобразительного искусства развивалась в последнем докладе секции «*“...Среди тех безвестных маляров-самоучек затерялся Анри Руссо, остался не найденным Пиромани?”: дискуссии о наивном искусстве в 1960-х — первой половине 1980-х гг.*» Анны Суворовой (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург). Наивное искусство, как и любительская фотография или региональная живопись, — еще одна грань художественных практик, долго бывших низовыми и получившими признание и более широкую популярность во второй половине XX века. Суворова размышляет об истории наивного искусства в советский период, признание к которому стало приходить, в том числе со стороны институций и влиятельных институционально фигур, с 1960-х годов. С этого времени началось осмысление наивного искусства не как проявления мещанского вкуса и маргинального художественного течения, но как способа самовыражения народа, обладающего своими эстетическими ценностями. Внимание к наивному искусству повлекло за собой поиск современного наивного искусства, городского наива, а также возникновение академической его рефлексии. Так, находящиеся между институционально признанными профессионалами и не имеющими возможностями выставляться самоучками, наивные художники представляли разрешенную альтернативу соцреалистическому искусству и производили «лояльный неформат» в художественном поле. Откликаясь на вопрос Галины Орловой об отношении советского канона к творчеству душевнобольных людей, Суворова отметила, что наряду с наивным творчеством, получившим признание в качестве искусства, постепенно признание приходит и к произведениям душевнобольных людей, которые со временем становятся предметом внимания для исследователей, хотя и в качестве не самостоятельного феномена, но аналога произведений сюрреалистов.

Второй день конференции, 20 октября, начался докладами секции «Бумажная ткань позднего социализма», посвященной антропологии бюрократии и архивной этнографии. Открывая секцию, Галина Орлова заметила, что специалисты преимущественно обращались к истории лежащих на поверхности политических процессов. В то же самое время Советским Союзом, как и любой другой страной современного мира, управляют бюрократы. Исследование взаимодействий между советскими людьми и государством в бюрократической плоскости, заключила Орлова, позволяет понять специфику советского общества куда глубже.

В первом докладе «*Множественная метрополия и размытая колония, или Как предприятия Ленинграда разбивали коллективные сады в Ленинградской области*» Александра Касаткина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) попыталась проанализировать, как дискурсивно оформлялось присутствие городской бюрократии в развитии советских загородных садовых товариществ. Вдохновляясь подходом исследовательницы колониального архива Энн Столер, Касаткина предложила идею о том, что освоение ленинградскими предприятиями земель под сельскохозяйственные нужды можно рассматривать с определенными оговорками как своего рода колонизацию. На возможность такого подхода указывают элементы картографии (очень ровные границы участков, напоминающие о карте поделенной европейскими державами Африки), наличие бюрократических анклавов (все решения о садоводствах происходили в пределах одного района города, практически игнорируя областной уровень), с помощью которых городские предприятия занимались развитием территорий садовых товариществ, не считаясь с властями развиваемых земель. В ходе обсуждения участники конференции пришли к необходимости, с одной стороны, обратить внимание на социально-экономический аспект взаимодействия, а с другой — смягчить постановку вопроса, говоря не о колонизации, а о колониальном импульсе.

В следующем докладе, «*Локальная бюрократия на краю Страны Советов: практики управления и соблюдения формальностей в отдаленных селах Чукот-*

ки в 1980-е гг.», Анастасия Ярзуткина (Чукотский филиал СВФУ, МЛ «Лингвистическая экология Арктики») рассказала о бюрократической специфике региона по материалам архивов исполкомов местных сельских поселений и разговоров с местными жителями. Будучи небольшим и изолированным, каждое из сел представляло в определенной мере мини-государство со своей бюрократией. Любые новшества до региона доходили долго, в связи с чем докладчица отметила, что поздний СССР на Чукотке наступил только в начале 1980-х годов.

Границу местного позднесоветского Ярзуткина фиксирует, анализируя инструментарий местных чиновников. На Чукотке позднесоветское буквально присутствует в методах письма и в качестве бумаги, на которой писали местные чиновники. В 1950-е годы писали от руки. В 1960-е появились печатные машинки, но писали на тонкой, некачественной, а иногда и на уже использовавшейся ранее бумаге. Бумаги не хватало, и потому документы просто печатали на обратной стороне. В 1980-е годы в ходу была уже качественная тяжелая бумага, которую начали активно завозить на Чукотку. К середине 1980-х у трех сельских поселений имелись полноценные бланки, предназначенные для оформления официальных документов. Любопытно, что позднесоветское наследие фиксируется в делопроизводстве региона до сих пор. Докладчица обратила внимание на то, что если с 1950-х по 1980-е годы происходило становление бюрократического языка Чукотки — возникали структуры текстов и их тематики, формулировки, то с 1980-х годов в документах начинает наблюдаться преемственность языка, которая фиксируется и в постсоветских бумагах. В ходе обсуждения, помимо уточнения ряда частных вопросов о жизни бюрократии Чукотки, было замечено, что по фактуре местная канцелярия напоминает российскую бюрократию XIX века с ее акцентом на видимость бумаги и канцелярской эстетике.

Доклад Янины Карпенкиной (НИУ ВШЭ, Москва) и Елизаветы Полухиной (НИУ ВШЭ, Москва) «Предмет социалистического желания: ордер на квартиру в позднесоветской Москве» позиционировался одновременно как история материальности и как антропологическое исследование бюрократии.

Исследовательницы, с одной стороны, описали работу системы распределения жилья в СССР «сверху», охарактеризовав правила выдачи жилья в Москве, разные типы очередей за квартирами — вплоть до классификации ордеров и бюрократической «ткани» — сами бланки для них. С другой стороны, они рассмотрели процесс «снизу» — основываясь на интервью с 22 работниками жилищных учреждений и получавшими квартиры горожанами. Докладчицы рассказали о том, как действовали горожане, движимые целью получить жилье. Больше всего в интервью было рассказов о том, как человек включался в систему распределения жилья и, используя карьерные возможности, стремился решить квартирный вопрос. Характеризуя ордер на квартиру, авторы определили его как документ, являющийся функциональным медиатором, составляющим сеть отношений, людей, учреждений. Горожане могли использовать самые разные методы для ускорения процесса — планирование биографии, трудоустройство, блат, провокации и давление. Обсуждая доклад, участники конференции обратились к проблеме материальности ордера, детализировали картину доступа к очередям на квартиры определенных социальных групп, углубились в конкретные социальные взаимодействия вокруг ордеров на жилье.

В докладе «План, отсрочки, ожидание: темпоральность редакторской работы в СССР 1950—1970-х гг.» Максим Лукин (НИУ ВШЭ, Москва) обратился к анализу темпоральности редакционно-издательского процесса, показывая, как редакторы и авторы могли влиять на сроки выполнения плана. Как отметил докладчик, многое зависело от фигуры редактора, авторов и внешних факторов. План был до-

статочно пластичным. Поскольку проектов в издательство поступало очень много и выпустить все эти книги было невозможно, а авторы часто просили отсрочки, книги убрали из плана и переставляли на следующий год. Такого рода манипуляции были нормой работы. О пластичности плана свидетельствует и то, что отдельные редакторы могли «наказывать» авторов долгим ожиданием публикации за мнимую или реальную неблагонадежность. В дискуссии по докладу участники конференции обсудили проблемы выполнения издательством плана, аспекты символического обслуживания издательством дат значимых событий, темпоральность подготовки переводных текстов.

Вопрос о вовлечении советских граждан в общественные дела оказался одной из центральных тем в следующем докладе, «*“Две тетради”*: журналистские эксперименты и институциональная пластичность “Литературной газеты” в 1960—1970-е гг.», *Михаила Кулагина* (НИУ ВШЭ, Москва). На примере «Литературной газеты» в бытность редактором А.Б. Чаковского докладчик показал, как пресса могла способствовать росту демократических элементов в советской системе, обеспечивая контакт между гражданами и бюрократией. Фактически возникал новый журналистский этос, ориентированный на наделение аудитории агентностью. На конкретных примерах — публиковавшихся в газете судебных очерках, эксперименте А. Рубинова «Меченые атомы», ориентированном на проверку качества работы советской почты, а особенно на примере развернувшейся в газете дискуссии о советском одиночестве докладчик показал, какой влиятельной была газета. Так, эксперимент Рубинова привел к реальным усилиям по повышению эффективности почты. Дискуссия о советском одиночестве в газете за чуть более чем десять лет привела к появлению постановления Президиума Совмина СССР 1979 года «О консультативной помощи населению по вопросам семьи и брака», после которого в стране начали возникать службы знакомств.

Закрывала секцию *Галина Орлова* докладом «*Мертвое дело фильма: бюрократический дебют Леонида Гайдая*». В докладе речь шла о бюрократических неурядицах, происходивших при создании первой комедии Гайдая «Жених с того света», сатиры на советскую бюрократию. История этого фильма особенно важна в двух отношениях. Во-первых, смена модальности рассказа повлияла на отношение бюрократии к одним и тем же сюжетам. Бюрократ Петухов не был придуман Гайдаем, это известный сатирический персонаж 1950-х годов. Появляясь на страницах юмористических журналов, его история не вызывала у чиновников большого испуга. Будучи экранизированной, эта история реалистично показывала бюрократические деформации, что и породило сложности с выходом ее в прокат. Во-вторых, вся эта коллизия выявляет бюрократические противоречия оттепели и ее творческий дух. Оттепель была временем демократизации механизмов кинопроизводства, притом что цензурные механизмы продолжали действовать. Из фильма многое в итоге оказалось вырезано, но упорство самого Гайдая и смелость худсовета все равно сохранили фильм сильным. Наконец, фильм Гайдая интересен и тем, что сам Гайдай в нем, как заметила Орлова, работал как этнограф, создавая насыщенные описания канцелярии, разбирая ее на «запчасти».

В рамках секции «Алгоритмическое мышление: теории и практики управления» были представлены доклады, показывающие проникновение идей системного подхода и различных форм алгоритмического мышления в самые разные социальные и дискурсивные пространства — от управления экономикой до семиотики. Во вступительном слове независимая исследовательница *Олеся Кирчик* (Нант, Франция) рассказала о концепции проекта по изучению алгоритмической рациональности, в основе которого была не только идея нового прочтения истории науки и, в частности, таких областей знания, как история кибернетики, системного

анализа, науки и философии позднесоветского периода, но и изучения технологий мышления, и социальных технологий в связи с управлением обществом. Это сложный цельный техно-социально-политический объект исследования, в конструирование и исследование которого вовлечены социологи, философы, историки, культурологи. В докладах секции был представлен широкий спектр попыток по-новому изучить позднесоветские практики и дискурсы в свете проблематики алгоритмического мышления.

В первом докладе, *«Рецепция принципа алгоритмической рациональности в ТРИЗ и СМД-методологии»*, Елена Вивич (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) заострила внимание на дихотомии управление — знание, которая имела принципиальное значение для обеих концепций. В случае теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), созданной советским инженером-изобретателем Г. Альтшуллером, решение этой проблемы предлагалось через такую смыслообразующую метафору, как «управляемая эволюция», а в случае системно-мыследеятельностной методологии Г. Щедровицкого (СМД-методология) — как «самоорганизующаяся машина». Докладчица представила схематизацию этих метафор, подчеркнув, что идеи обретают влияние, когда встраиваются в существующие контексты. Результатом сопоставления двух теорий в докладе стал вывод о том, что ТРИЗ в качестве концепции эволюции технических систем говорит о том, что рациональна система управления инженерной деятельностью в целом. Таким образом, мы видим распределенную алгоритмическую рациональность в рамках воображаемого коллективного советского субъекта. СМД-методология опирается на мысль о необходимости правильной организации и структурирования через целеполагание деятельности людей для решения задач, поставленных в рамках инженерно-проектировочного мышления.

В своем докладе *«Информационное общество, информатизация общества и кибернетика: сложные связи знания и управления в СССР»* Полина Колозариди (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) и Святослав Костенко (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) обратились к трем типам трансферов знания, объясняющим сдвиги в понимании информации в советском обществе и процесса превращения «информации в обществе» в «информационное общество». Первый трансфер знания шел от философско-математических подходов начала 1960-х годов к разработке социально-экономических концептов. Второй трансфер знания происходил, когда информационное (кибернетическое) общество в 1970-х годах стало частью нескольких научных школ, вбирая в себя их терминологические и сущностные особенности (иногда превращаясь в инфосферу и ноосферу). Третий трансфер знания — это темпоральный парадокс сближения настоящего и будущего, который стал основанием для программ информатизации (или компьютеризации) самого общества в 1980-х годах. Святослав Костенко рассказал о своей находке в рамках второго трансфера — «кибернетическом обществе». Формулировка «кибернетическое общество» встречается в этот момент чаще (это подтверждается графиками словоупотребления на основе Google Ngram), но уже на следующем этапе трансфера кибернетическое общество уступает информационному.

Следующий доклад представили Роман Абрамов (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) и Алексей Сафронов (ИОН РАНХиГС, Москва) — *«“Волебный график”: о практиках внедрения СПУ в управление народным хозяйством в 1960—70-е гг.»*. Доклад был посвящен форматам алгоритмического мышления о способах управления проектами и не только, о практиках циркуляции знаний и технологий в советской научной и управленческой культуре 1960—1970-х годов. В частности, речь шла о распространении и применении технологии сетевых графиков, одной из форм системы проектного управления (СПУ). Докладчики делают вывод о двойной адаптации технологий. Первой адаптацией можно назвать стремление сделать из управ-

ленческой технологии технологию бюрократического контроля. Второй адаптацией можно назвать использование графиков для решения специфических советских управленческих задач (развиваются собственные автоматизированные системы управления, создаются НИИ по внедрению и появляются объекты приложения сетевых графиков, такие как компьютерная система Госплана).

Секция завершилась докладом *Анны Ерошенко* (ИГИТИ НИУ ВШЭ, Москва) под названием «*Дискурс кибернетики в работе Ю.М. Лотмана: культурный код как прием (1960—1980-е гг.)*». Дискурс кибернетики в работе школы Лотмана можно рассматривать в конструктивистском ключе, как одно из направлений институционализации семиотики. Стратегия исследований заключалась в том, чтобы восстановить историю обращения Лотмана к кибернетике через изучение практик институционального сотрудничества (по перепискам и внутренним документам). В 1970-х годах Лотман предполагал, что кибернетика должна стать прикладной областью для амбициозных задач семиотики. Кибернетический проект в рамках семиотики оказался коротким и неудавшимся в прикладном плане.

Конференция завершилась круглым столом «Как можно сегодня говорить о позднесоветском?». Для обсуждения участникам круглого стола был предложен широкий круг проблем, касающихся как сегодняшнего состояния исследований позднесоветского, так и перспектив развития этого поля. В качестве первого основного спикера выступила независимая исследовательница *Алла Митрофанова* (Санкт-Петербург). С ее точки зрения, основная проблема для обсуждения позднесоветского лежит в эпистемологических рамках, препятствующих адекватному осмыслению этого периода. Одна из этих рамок связана с тем, что в 1990-е годы советское в целом и позднесоветское в частности получили статус «плохого объекта». Этот статус был обусловлен как ощущением исторического проигрыша, так и стремлением к академически-нейтральному рассмотрению этого периода, включающему рефлексии о собственной причастности к советскому проекту. Итог развития этого консервативного взгляда на советское связан с формированием ностальгически имперского восприятия советского в рамках официальной идеологии. По мнению докладчицы, стоит говорить о продуктивности осмысления позднесоветского в контексте современных версий левой идеологии, которая позволит осмыслить значимые элементы советского опыта (трансформация институтов, критика бюрократии и т.д.), не исключая при этом критического взгляда и чувствительности к разнообразию.

Как отметила другая независимая исследовательница, *Ирина Каспэ* (Москва), исследовательская позиция в изучении позднесоветского как недавнего прошлого тесно переплетена не только с выбором метода, оптики, пониманием хронологических рамок и т.д., но также с ценностными установками. Эти установки были выделены первыми исследователями позднесоветского, чьи работы были основаны на гуманистической традиции, и советская антропология рассматривалась, таким образом, как область дефицитов (социальных, институциональных, этических и т.д.). На смену этому проекту пришел другой, также ценностно заряженный импульс, направленный на задачу нормализации советского через осмысление другой нормальности, что выражалось в изучении практик, материальности и т.д. Согласно Ирине Каспэ, для расширения способов анализа позднесоветской эпохи следует не отвергать интенцию первых исследователей, которая выражалась в конструкции социальной реальности на основе радикального искажения опыта, а подобрать выверенный инструментарий. В этой связи эвристически продуктивными были названы: фокус на индивидуальной биографии, обращение к истории эмоций как одному из путей, который позволяет углубить изучение советской субъективности. Алла Митрофанова подчеркнула, что проблема дефицитарности была

свойственна не только для советского общества. Ирина Каспэ кратко отметила, что в ее выступлении речь шла об опыте исследований, который позволил обозначить дефициты именно в советском обществе. Отвечая на вопрос, подразумевался ли в докладе призыв «назад к Леваде», Ирина Каспэ отметила, что речь шла не о полном возврате к концепциям российских социологов, а о важности разработки феноменологии советского общества, которая была проделана первопроходцами.

Последний спикер, *Александр Дмитриев*, затронул широкий круг вопросов. Он предложил обратить внимание на два интеллектуальных полюса, которые встречаются при обращении к позднесоветскому и постсоветскому. Первый из них назван презрением/снисходительностью (о советском как закончившемся, проигравшем проекте), ответом на который стал другой полюс — ностальгия. Однако в нынешних обстоятельствах прослеживаются, согласно Александру Дмитриеву, два других полюса — непереводаемость и тупик (как несостоявшаяся социалистическая альтернатива). Кроме того, докладчик показал, что исследовательский интерес в обращении к позднесоветскому имел достаточно узкую географическую локализацию. Галина Орлова задала вопрос о возможных вариантах выхода из сложившегося тупика и о векторах рассмотрения данного вопроса. Александр Дмитриев отметил, что было бы продуктивно выделить два вектора: антропологический и политологический.

В заключительной части темой обсуждения стало соотношение различных временных конъюнктур в изучении периода позднего социализма. В частности, речь шла о том, насколько травматические события последних месяцев делают необходимым поиск новых путей обсуждения позднесоветского.

*С. Акаев, А. Карташева, О. Охотникова, М. Праулова,
А. Филиппенкова, Р. Хасанов, Т. Холматов*